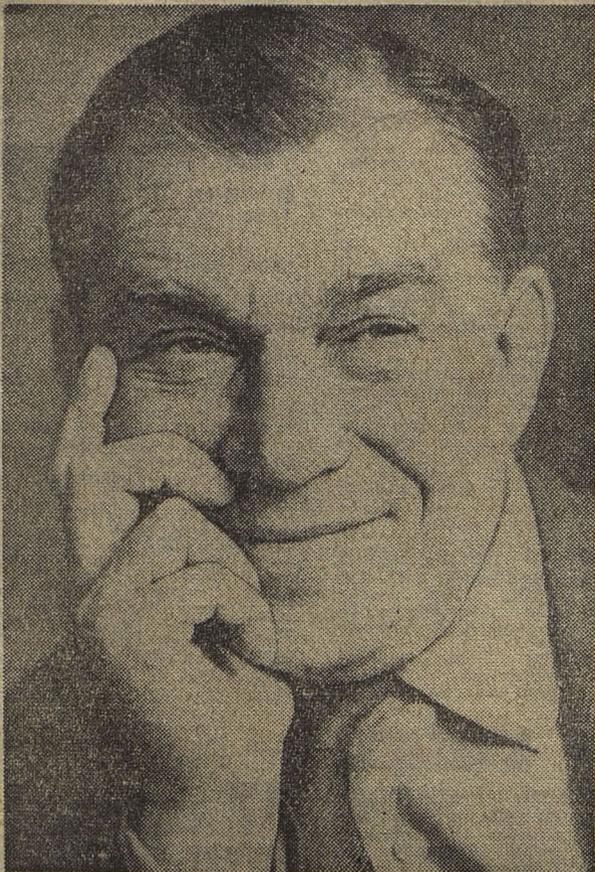

С днем рождения! МОЛОДОСТЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Константину Максимова — шестьдесят. Шестьдесят лет, почти сорок из которых отдано одному, ставшему самым дорогим театру — Свердловскому драматическому. В дни таких внушительных юбилеев принято писать пространные статьи, называемые на языке журналистов творческими портретами. Пусть мне простит Константин Петрович — «академического» творческого портрета не выйдет. Гораздо больше хочется просто, по-человечески сказать ему несколько теплых, от сердца идущих слов.

Нынешняя театральная молодежь порой улыбаются скептически, слыша слова о театре-кафедре, о театре-школе жизни. Максимов, как и другие замечательные свердловские актеры его поколения, был для нас умным учителем. Не мудрено, что творчество его и многих его товарищей по коллективу стало не только фактом искусства, но, не побоюсь сказать, фактом личной биографии многих из нас, свердловчан.

Мы еще бегали в школу, но уже тогда горячо любили наш драматический и его мастеров. А став старшеклассниками, весьма твердо знали всегда корректную и деловую фигуру главного администратора театра Е. Я. Файбушевича. Он, царь и бог, иногда выдавал контрамарки, дающие право занять «стоячее» место в зрительном зале — «сидячие» были, как правило, заняты. Но какое это имело значение, стоишь ты или сидишь. Главное — ты смотришь спектакль, в котором играют Дальская и Петипа, Ильин и Максимов, Молчанов и Токарева.

Играл же Максимов много и увлеченно. Зрители более старшего поколения наверняка помнят первые шаги его на свердловской сцене, после того, как совсем молодым, в 1931 году, пришел он в наш только что организованный театр. Я не помню тех дней, хотя и считаю, что мне повезло: мне довелось видеть актера в годы расцвета его дарования — в первом десятилетии после войны. И хоть немало лет прошло с той поры, хочется, очень хочется, пользуясь случаем, горячо поблагодарить его за образы, показанные им в ту пору. Они способ-

ствовали росту нашего самосознания, формированию взглядов, воспитанию чувств.

Именно тогда игрались К. Максимовым главные роли его героического репертуара, роли, ставшие этапными в его биографии актера — Николай Кузнецов в пьесе по книге Д. Медведева «Сильные духом», К. Заслонов в одноименном произведении

А. Мовзона, Фучик в пьесе «Дорогой бессмертия», привлекавшие человеческим обаянием, смелой открытостью души, высоким строем мыслей и чувств. А рядом, словно для того, чтобы наглядно продемонстрировать разносторонность дарования актера, гоголевский Хлестаков — роль остро и филигранно отточенной формы. Недаром совсем недавно на зрительской конференции один из свердловских театралов восторженно признавался, что до сих пор у него перед глазами Хлестаков К. Максимова — этакий юркий, верткий, пустейший столичный прои-доха.

До сих пор перед глазами... Это же хочется сказать о максимовском Астрове из чеховского «Дядя Ваня». «Пойми, это талант», — говорит об Астрове один из персонажей пьесы. Мне кажется, именно эти слова главные для понимания Астрова — К. Максимова. Астров в его обрисовке — натура деятельная, активная. Энергичный жест, порывистая горячность, когда речь заходит о том, что его волнует... Воображение невольно рисует такого человека в деле, а как осмысленно и красиво он мог бы трудиться, сколько мог совершить!

При всем том Максимов, как и обычно, верен себе. И в этой роли он много привносит от собственной индивидуальности. И если главным его амплуа был положительный герой, то к этому надо добавить — герой чрезвычайно обаятельный.

Годы неумолимо берут свое. Молодой человек взрослеет, потом старится. Мы знаем случаи, когда переход на новые амплуа у актеров подобного типа совершался болезненно, а иногда и вовсе сводил их «на нет». Искусство Максимова отказывается стареть. Больше того, мне кажется, с годами оно набирает силу, радуя все возрастающим мастерством.

Случилось так, что лет, пожалуй, с десяток я не видела Максимова на сцене. А когда эта встреча, наконец, состоялась, нельзя было не оце-

нить появившуюся у актера мудрость взгляда, открывшую новые дали в его искусстве.

Актер набирает силу. Достаточно вспомнить комического героя шолоховской «Поднятой целины» — деда Щукаря, который к концу спектакля становится в исполнении Максимова фигурой трагической. Лишь в самом конце многострадальной жизни своей почувствовал себя человеком этот забитый деревенский бедняк, и вот опять потерял все, что появилось у него дорогого, — лучших друзей, «сынов» своих Давыдова и Нагульнова. И не по плечу деду продолжить их дело, кончена его жизнь...

Актер набирает силу. Какую сложную, но увлекательную задачу блистательно разрешает он, воссоздавая образ уральского Плюшкина, скупердяя и доки Ляховского из инсценировки «Приваловских миллионов» Мамина-Сибиряка! Оказывается, Максимова по плечу виртуозное сценическое перевоплощение: Ляховский достоверен, правдив, вплоть до последней детали. И рядом работа совершенно другого плана — глубина и точность социального анализа в горьковском Бессеменове из спектакля «Мещане». Роль, за исполнение которой Максимов получил дипломы первой степени на Всероссийском смотре спектаклей, посвященных 50-летию Октября, и фестивале горьковских пьес в городе Горьком.

Специального разговора заслуживают недавние выступления Константина Петровича в ролях современного советского репертура — Салова из спектакля «В день свадьбы», Максима Петрова из «Традиционного сбора». Здесь и глубокое знание жизни, и проникновение в сложность человеческих судеб, характеров.

...Вот он идет по городу, любимый, известный актер. Одни приветливо кланяются ему. Другие шепчут соседу: «Это Максимов». Третьи останавливаются, чтобы подробно расспросить, что нового в театре, о чем думает, над чем работает лично он. Я знаю, вот эту заинтересованность Максимова ценит больше всего. И — понимаю его: ведь он живет и работает ради этих людей. Как можно тут быть равнодушным!

Ю. МАТАФОНОВА.

На снимке: заслуженный артист РСФСР К. МАКСИМОВ.

Фото А. Нагибина.